

Андрей Болотов
Иоганн Людвиг Гордт

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

КАК РОССИЯ РЕШАЛА
СУДЬБЫ ЕВРОПЫ

СОСТАВИТЕЛЬ
ЗАМОСТЬЯНОВ А.А.

**Андрей Тимофеевич Болотов
Иоганн Людвиг Гордт
Арсений Александрович Замостьянов
Семилетняя война. Как
Россия решала судьбы Европы
Серия «Русская история»**

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67947687

*Андрей Болотов, Иоганн Людвиг Гордт Семилетняя война Как Россия
решала судьбы Европы:
ISBN 978-5-00180-742-1*

Аннотация

Военный конфликт 1756-1763 годов Уинстон Черчилль называл «первой мировой войной». Семилетняя война шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В войне приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена.

Для нашей страны это была странная война, в которой Российская империя, освобождая от немецкой власти старые балто-славянские земли, проявила себя как вершительница

мировых судеб, а потом отказалась от всех завоеваний, когда императрицу Елизавету сменил поклонник политики прусского короля Фридриха Великого Пётр III.

Андрей Тимофеевич Болотов – русский писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии в России. Граф Иоганн Людвиг Гордт – шведский аристократ. Сын сенатора-колпака – представителя «партии мира», лояльной к России. Профессиональный военный. Участник Семилетней войны – воевал на стороне противников России.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Арсений Замостьянов	6
Предвоенный пасьянс	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Андрей Болотов,
Иоганн Людвиг Гордт
Семилетняя война
*Как Россия решала
судьбы Европы***

Составитель Арсений Замостьянов

Редактор С. В. Чертопруд

Художник Е. В. Максименкова

© Болотов А. Т.

© Гордт И. Л.

© Замостьянов А. А., авт. сост. 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Арсений Замостьянов

Семилетняя война. Контуры

Безусловно, это одна из странных войн в истории России. Безусловно, не оборонительная. Но и не ради имперской экспансии. После мирных десятилетий императрица Елизавета решила продолжить политику отца – в меру собственного понимания. Это означало активное участие в дипломатической борьбе, которая развернулась в Европе. А дипломатическая борьба порождает непреодолимые противоречия, из которых выход один – война.

Предвоенный пасьянс

Принято считать Фридриха Прусского инициатором все-европейского острого противостояния армий и дипломатий. Это ему стало тесным родное королевство, это он ощущал в себе силу духа и полководческой сноровки, это он недооценивал противников, фанатически верил в свою звезду. Это ему нечего было терять, а перспектива приобрести пол-Европы не давала крепко спать.

В Англии на Фридриха надеялись: видели в нём гаранта прав Ганновера – британского поместья на континенте, в германском окружении. Как-никак, мать прусского короля была дочерью английского короля Георга Первого. Близкое родство – и великий пруссак о нём никогда не забывал. В случае любого нападения на Ганновер он обязывался защищать его (а, значит, и британские интересы) всеми средствами. Этими обязательствами взаимоотношения Берлина и Лондона не ограничивались: англичане оказывали королю дипломатическую и финансовую поддержку, без которой ему не удалось бы содержать столь многочисленную, вымуштрованную и, в большинстве своём, наёмническую армию. И во Франции у Фридриха издавна хватало поклонников, в том числе и среди влиятельных персон, властителей дум. Ведь прусский король – классический просвещённый монарх, воплощённый идеал Монтескьё. По крайней мере, он сумел себя таковым

представить, а идеологи ухватились за яркий пример. Расина и Корнеля он знал не хуже, чем парижские литераторы. Заявлял о веротерпимости: даже о мусульманах отзывался благожелательно. Фридриху удалось стать другом Вольтера – они сошлись в том числе как два поклонника Петра Великого. Именно на суд Вольтеру послал Фридрих своё сочинение – «Антимакиавелли». Вольтер помог издать книгу, создал ей репутацию, по читающей Франции пошёл шумок: «Автор этой книги – наследник прусского престола!» Во Фридрихе видели надежду просвещённой Европы. Вряд ли они догадывались, что будущий король воевать любит не меньше, чем читать, а по уважению к «праву сильного» даст фору и самому Макиавелли. «Если вам нравится чужая провинция, и вы собрали достаточно сил, занимайте её немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдете юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию» – разве это мысль антимакиавеллиевская?

Императрица Елизавета Петровна

Когда автор «Брута» решил стать историком Петра, он об-

ратился к Фридриху за консультациями – и сразу послал ему несколько вопросов: «1. В начале правления Петра I были ли московиты так грубы, как об этом говорят? 2. Какие важные и полезные перемены царь произвёл в религии? 3. В управлении государством? 4. В военном искусстве? 5. В коммерции? 6. Какие общественные работы начаты, какие закончены, какие проектировались, как то: морские коммуникации, каналы, суда, здания, города и т. д.? 7. Какие проекты в науках, какие учреждения? Какие результаты получены? 8. Какие колонии вышли из России? И с каким успехом? 9. Как изменились одежда, нравы, обычаи? 10. Московия теперь более населена, чем прежде? 11. Каково примерно население и сколько священников? 12. Сколько денег?». Фридрих, конечно, не мог просветить Вольтера по этой части, но и обманывать отписками не стал. Он обратился к пруссакам, жившим в России, – и в результате получил любопытный документ – сочинение Иоганна Фоккеродта, бывшего секретаря прусского посольства в России. Господин Фоккеродт сочинил обстоятельную записку о реформах Петра, но, увы, дал волю русофобии или просто прямолинейному европоцентризму. А Вольтер стремился к объективности, и многое из «страшилок» Фоккеродта не вызвало доверия у французского скептика. Вольтер отверг прусский взгляд на Россию и на Петра – быть может, потому, что верил в военно-политический союз Парижа и Петербурга? И всё-таки Фридрих помог ему в работе над петровской темой, а дружеская (хотя

зачастую и настороженная) переписка двух столпов Просвещения продолжалась почти пять десятилетий, несмотря на волны взаимного раздражения и прямые конфликты. Накануне Семилетней войны они стали политическими противниками, оказались в противоположных лагерях. Франция и Пруссия готовы были броситься в истребительную схватку, и Вольтер, к разочарованию Фридриха, написал разоблачительные стихи о друге-короле, презрев просвещённый космополитизм. По крайней мере, это послание приписывали именно Вольтеру.

Начиналось оно вполне дипломатично:
Монарх и философ, полночный Соломон,
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над шпрейскими струями.
Вселенная чудясь молчала пред тобой;
Берлин на голос твой главу свою воздвигнул,
С Парижем в равенстве до звезд хвалою достигнул.

На русский язык эти стихи переложил Ломоносов – его переводом мы и наслаждаемся, понимая, что наш просветитель привнёс в вольтерову мысль и свою политическую правду:

Десницей Марсову ты лютость укротил,
Заперши дверь войны, предел распространил.

Число друзей твоих умножил ты Бурбоном;
Но с Англией сдружась, изверившись ему,
Какого ждешь плода рачению своему?
Европа вся полна твоих перунов стоном,
Раздор рукой своей уж пламень воспалил
Ты лейпцигски врата внезапно разрушил,
Стопами роешь ты бесчувственные могилы,
Трепещут все, смотря твои надменные силы.
Ты двух соперников сильнейших раздражил,
Уж меч их изощрен и ярый огонь пылает,
И над главой твоей их молния сверкает,
Несчастливой монарх! ты лишне в свете жил,
В минуту стал лишен премудрости и славы.
Необузданного гиганта зрю в тебе,
Что хочет отворить путь пламенем себе,
Что грабит города и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.

После такого памфлета какая может быть дружба? Не ждал король от революционного просветителя разоблачительных заклинаний. Но переписка не прервалась, а Вольтер не спешил признаваться в авторстве этих стихов. После всей этой журналистской войны мышей и лягушек Фридрих разлюбил изящную словесность: стихи, прозу, драматургию. Отныне всё это казалось ему бездарной и лукавой стряпнёй – в том числе и то, чем он восхищался смолоду. Раздражение перенеслось и на музыку, и на живопись: даже Моцарту от

короля доставалось. Теперь он нечасто изменял политике и войне – и испытаний на этом поприще Фридриху пришлось претерпеть немало.

Король Фридрих II

Россия для обоих оставалась заснеженной загадкой. Для Вольтера – далёкой, для Фридриха – близкой, которая зияет под боком. Им казалось, что соотношение сил напоминает времена классической Греции: в Европе – цивилизация, на Востоке – многочисленные варвары, не лишённые пышности. Грекам и во времена Мильтиада, и тем более во времена Александра Македонского удавалось разбивать персидские войска, превосходящие их по численности раз в десять. Фридрих не видел в России угрозу: по его убеждению, даже голштинский фактор не мог затянуть Северную империю вглубь Европы. Вдали от родных деревень, в непривычных условиях русский солдат окажется бессильным – или проявит себя дикарём, вызывая ненависть чинных германских обывателей. Он не мог поверить, что Россия сумеет несколько лет управлять Восточной Пруссией без серьёзных внутренних конфликтов.

Канцлер Алексей Бестужев

Как и многие, Фридрих не избежал недооценки «русского медведя» и славянской памяти, которая в Восточной Пруссии не умирала. Тем более, он имел основания считать себя лучшим знатоком военного искусства и воспитателем армии. Прусская армия превратилась в совершенный механизм, при столкновении с которым любые другие войска превращаются в бессильную толпу, рассыпаются беспомощно.

При так называемом «первом разделе Польши» он лихо воспользовался дипломатическим согласием с Петербургом – и установка русского канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина на сотрудничество с Англией вполне устраивала Фридриха. В Пруссии знали о борьбе политических «партий» в России, профранцузские настроения дипломата Петра Шувалова не могли не тревожить Фридриха. В своих предвоенных расчётах не считаться с Россией он не мог, но в высокую боеспособность русской армии не верил.

Итак, Бестужев. Мы уже упоминали этого господина, но без краткой его характеристики повествование о той эпохе будет неполным. К началу Семилетней войны Алексей Петрович был далеко не молод – и многолетний опыт дипломатической борьбы давил на плечи. Ещё Пётр Великий отправил его учиться в Европу, самый одарённый дипломат из петровских выдвиженцев – князь Куракин – приблизил Бестужева. Юный дипломат участвовал в Утрехтском конгресс-

се, затем много лет служил в Ганновере, Копенгагене, Гамбурге. Во времена Анны Иоанновны оказался в партии Бирона. После краха герцога Курляндского Бестужева осудили на четвертование, но ограничились ссылкой в деревню. Ему удалось примкнуть к перевороту 25 ноября 1741 года, приведшему к власти дочь Петра. И вскоре титулы, чины и орден посыпались на дипломата. Подобно Румянцева, Бестужев отличался от коллег-современников целеустремлённостью и трудолюбием. Службе он отдавал себя целиком – не забывая, однако ж, и о выгоде материальной.

Решающее воздействие на ход войны оказывала расстановка политических сил в Петербурге. Интриги вокруг престола многократно усиливались во время болезней императрицы. Бестужев слыл убеждённым противником Петра Федоровича, открыто действовал против наследника. Канцлер понимал, что приход к власти Петра сломает тщательно выстроенную дипломатическую систему, в которой Россия ориентировалась на Британию и Австрию. Бестужев втайне рассчитывал возвести на престол малолетнего Павла Петровича под опекуном Екатерины, с которой ему удалось наладить доверительные отношения, хотя изначально он числил «принцессу Фике» агентом Фридриха. Во Фридрихе Бестужев всегда видел угрозу собственной политике и стратегии Петра Великого, на которого канцлер ссылался беспрестанно. Пётр Великий в те годы стал для России символом имперской государственности, именем которого мож-

но было оправдать любую политику. Бестужев успешно мифологизировал Петра и присвоил себе роль хранителя петровских традиций, которому одному позволено трактовать планы первого российского императора. До поры, до времени никто не мог вооружить Елизавету против канцлера, хотя строптивость Бестужева императрицу тяготила. Канцлер легко наживал врагов, но, именем Петра, успешно от них оборонялся.

Почти никогда большую войну не начинают генералы, полководцы – даже самые отъявленные ястребы в погонах. Они-то знают цену мирным дням. Непреодолимые противоречия возникают у политиков – у монархов и дипломатов, когда честолюбие находит на камень. Шуршат перья по бумаге – и воронка войны затягивает государства.

Никто не может утверждать, что было раньше – продвижение Ивана Ивановича Шувалова и Михаила Илларионовича Воронцова к браздам российской внешней политики или тревожная реакция русской императрицы на союз Пруссии и Англии.

Елизавета резонно опасалась усиления Пруссии – и, наблюдая за сближением Фридриха и Британии, отказалась от безоглядной проанглийской политики Бестужева – хотя сам канцлер устоял. Британские позиции в Петербурге ослабли, а французские усилились. Иван Шувалов был не чужд если не карикатурной галломании, то увлечениям французской культурой, французским образом жизни. К тому же он (как

и многие не последние по влиятельности французы) считал сближение России и Франции взаимовыгодным – и в торговом, и в политическом аспекте. Впрочем, Шувалов держался в тени, к должностям, как и к титулам, не стремился. А теснил Бестужева во внешнеполитическом ведомстве Воронцов, для которого писатель-историк Казимир Валишевский нашёл лихую характеристику: «Продажный, но всё-таки честный». Это был истинный вельможа-сластолюбец, но пропитанный духом просвещения. Он, как и Шувалов, умел оценить гений Ломоносова, учтиво и раскрепощённо вёл переговоры, хотя порой и попадал впросак. Всесильный Шувалов стоял за его спиной – и без резких движений теснил Бестужева...

Политику Бестужева нельзя объяснить одним клеймом: «проанглийская». Считая себя хранителем традиций Петра, он стремился к стратегическому союзу с Австрией против Османской империи и Крымского ханства. Это обстоятельство исключало участие Бестужева в клубе друзей Фридриха. Бестужев пытался скомпрометировать Фридриха в глазах английского правительства, пытался сорвать союз Пруссии и Британии, но это оказалось выше его сил.

В Семилетнюю войну Россия вступила как союзница Австрии – чтобы скрестить штыки с пруссаками, на которых работали английские деньги. Фридриху тогда удалось довести численность прусской армии до двухсот тысяч – колоссальный размах для сравнительно небольшой страны!

Так пошатнулись многовековые экономические и политические связи России и Британии. На первый взгляд, Россию затащило в фарватер австрийской политики, австрийских интересов. Военная мощь России превосходила австрийскую, хотя мастерство генералов и выучка солдат империи Петра Великого в Европе долгое время вызывала сомнения. При этом Австрия более других была заинтересована в войне с Фридрихом: не было у Вены в те годы соперника опаснее, чем Пруссия. Первой причиной всеевропейского противостояния стала взаимная ненависть императрицы Марии Терезии и Фридриха, причём дама, как водится, в этом чувстве была эмоциональнее. Австрийская императрица слыла ревностной католичкой, а Фридрих в её глазах выглядел не только заблуждающимся протестантом, но и безбожным вольнодумцем. Примириться с переходом Силезии под власть Фридриха она не могла – в этой чешской области скрестились непосредственные интересы двух монархов, двух правящих элит. Имперскую корысть Мария Терезия, разумеется, драпировала высокими устремлениями: как не помочь несчастным силезским католикам, которых будет угнетать этот безумный король? Усилиями австрийской дипломатии, планомерно боровшейся против Пруссии, к коалиции присоединились Саксония и Швеция. Ну а у России и Франции имелись свои, хотя и расплывчатые, резоны. Но и эти державы именно Австрия подталкивала к войне. Об активности Марии Терезии можно судить по известному письму

маркизе Помпадур, в котором государыня Священной Римской империи назвала любовницу короля Людовика XV «дорогой сестрой» – как равную себе. Так Австрия втягивала Францию в Семилетнюю войну. Прусскому гению пришлось столкнуться с дамской дипломатией – непредсказуемой, порывистой, капризной, взбалмошной и коварной. Дамам удалось невозможное: прусская угроза объединила давних противников – Габсбургов и Бурбонов. Католическая церковь, всё ещё могущественная, всячески поддерживала этот союз.

Георг II Английский более всего опасался усиления Франции – колониальной державы, которая в результате войны могла утвердить влияние на разобщённые германские государства. Предвоенная ситуация складывалась из разнообразных страхов – и молодой генерал-майор Румянцев, улавливая сигналы, готовился к войне.

Ещё в 1745 году в Петербурге Конференция обсуждала вопрос: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, доле в усиление приходить допускать?». И высказалась не в пользу Фридриха, переживавшего Саксонию. Так что основы Семилетней войны складывались десятилетие. Есть закон больших войн: каждое государство, вступившее на путь сражений, считает противника агрессором, а себя – защищающейся стороной. Это касается и тех, кто первым открывает огонь: они ссылаются на агрессивный характер дипломатических союзов стран, против которых действуют. Россия, Австрия и Франция счи-

тали угрожающим усиление Фридриха, Пруссия объясняла свои действия экспансионистским характером намечавшегося союза русских с австрийцами.

Убийственным для Пруссии стало подписание в 1746 году русско-австрийского оборонительного союза. Этот дипломатический документ, в отличие от многих, оказался живучим – и был подкреплён более поздними договорами тех же сторон. Румянцев лучше других мог оценить и эффективность, и ущербность русско-австрийского союза. Австрийская армия к середине XVIII века переживала закат славы: в одиночку Священная Римская империя в случае серьёзных испытаний не могла сладить ни с пруссаками, ни с турками. Не раз Россия будет охвачена антиавстрийскими настроениями, не раз наши полководцы (включая графа Задунайского) упрекнут «цесарцев» в трусости и нерешительности, а то и в прямой измене.

Но не будем забывать, что в России (в отличие от Австрии) в те годы сильна была и пропрусская партия. К ней примыкал не только наследник Пётр Фёдорович, но и его жена, нашедшая общий язык с Бестужевым. К ним прислушивались многие – и для молодых карьеристов по крайней мере неразумным было демонстрировать чрезмерное антипрусское рвение. Все понимали, что воцарение нового Петра не за горами, а уж он с Фридрихом поладит. Безусловно, понимали это и в армии – в особенности такие прозорливцы, как Румянцев.

Бестужев, при всей его любви к подношениям (недружки смотрели на эту страсть канцлера через увеличительное стекло), не сворачивал с курса, который считал оптимальным для России. Это союзнические отношения с Англией и Голландией, попытка оказывать влияние на политику Саксонии и Польши и, наконец, союз с Австрией, таящий угрозу для Османской Порты. Как-никак выход к Чёрному морю на протяжении всего XVIII века оставался стратегической задачей империи. Без партнёрских отношений с Веной достижение этой цели затруднялось. Правительство Марии Терезии нашло общий язык с русским канцлером, для которого не было загадок в европейских делах. Среди противников России Бестужев неизменно упоминал Швецию и Францию, которые «издревле весьма вредные для нас интриги при Порте производили». Мастерство дипломата проявилось в умении идти на компромисс с потенциальным противником, который в скорое время может стать тактическим союзником – как это и произошло в Семилетнюю войну.

Гипноз Фридриха на Бестужева не действовал. «Сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально и наипаснейшим, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого, беспокойного и возмутительного характера и нрава не был, каков у него сущесть», – такая оценка прусского гения сложилась у Бестужева. Попытки Фридриха щедрыми дарами умаслить петербургского канцлера провалились, хотя пруссаки действовали продуманно.

манно.

Есть версии о последовательной личной ненависти императрицы Елизаветы к Фридриху: дескать, слишком не совпадали их жизненные принципы. Дочь Петра, по свидетельству, например, прусского посланника Финкельштейна, с годами от православного благочестия перешла к ханжеству. До неё доходили слухи о личной жизни Фридриха – а пруссак, мягко говоря, не был благочестивым семьянином. Подозрения вызывали и религиозные взгляды прусского короля: считалось, что он утратил веру и положился только на собственные силы, то есть отдался наущениям дьявольским. В этом ключе трактовались и шаги короля в направлении к веротерпимости. Руководствовалась ли Елизавета подобной логикой в действительности? Не станем преуменьшать политической искущённости русской императрицы. Женскую эмоциональность и наивность она проявляла нередко, но в политических решениях умела руководствоваться более прагматическими материями, опираясь на опытных и даровитых советников. Елизавета держала рядом с тронем не единомышленников, но сторонников подчас противоположных политических взглядов. Кто-то увидит в этом неразборчивость, а мы отметим управленческую мудрость.

Осознавала ли Россия, что Восточная Пруссия – земля славянская, занятая германцами в ходе пресловутого «дранг нах остен»? По тому, с каким накалом М. В. Ломоносов боролся за право трактовать историю древних славян в «патри-

отическом» ключе, можно судить о том, что Россия в те годы всё сильнее ощущала себя преемницей славян, живших и на территории Пруссии и подчинившихся германцам в незапамятные времена. При Екатерине о тех временах вспоминали ещё чаще: для Державина и Петрова легендарные сведения о славяно-варягах станут основой патриотической и экспансионистской идеологии. Да и сама императрица писала исторические сочинения и драмы о Рюрике, по-видимому, приписывая и себе самой славянские, а не только германские корни. В Восточной Пруссии Румянцев убедится, что местное население настроено к русским дружелюбно – несмотря на мародерские замашки армии Апраксина. И аристократы, и крестьяне чувствовали родство с диковатыми, но щедрыми русскими богатырями.

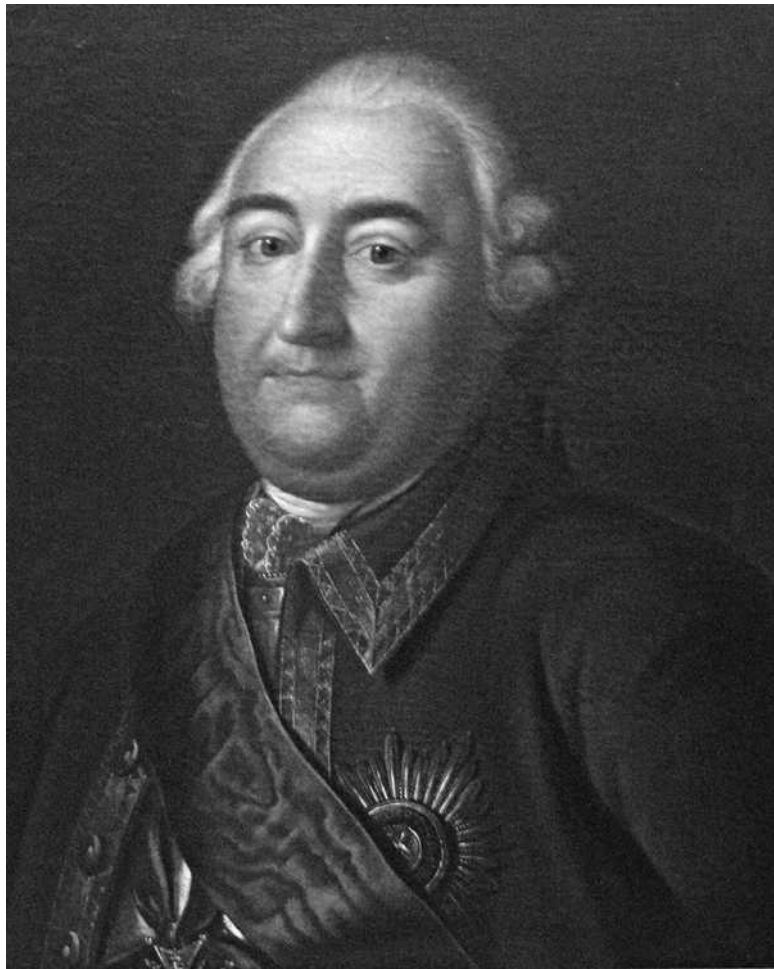
Для Петра Александровича Румянцева Семилетняя война станет часом славы. Сравнительно молодой генерал сумеет заявить о себе, достичь высоких степеней, завоёвывая звания и ордена шпагой и полководческим расчётом. С петровских времён Россия не знала столь героических биографий.

Успехи тогдашней российской артиллерии связаны с деятельностью графа Петра Ивановича Шувалова – двоюродного брата фаворита и тогдашнего генерал-фельдцейхмейстера, то есть начальника артиллерии. Шувалов считается изобретателем «секретной гаубицы», из которой можно было вести только картечный огонь, и «единорогов», которые Фридрих назовёт «порождением дьявола». На стволе этих пушек

был изображён единорог – как и на гербе Шуваловых. Единороги были самыми мобильными и скорострельными пушками того времени и могли стрелять «по навесной траектории», то есть через головы русских солдат.

Секретная гаубица – гордость Шувалова – оказалась не столь эффективной. Изобретатель сконструировал канал таким образом, чтобы картечь широко разлеталась, но опыт надежд не подтвердил. А Шувалов добился смертной казни (так и не применявшейся) за разглашение секрета гаубиц, требовал их тщательной маскировки. Следует признать: бурная деятельность графа усиливала русскую артиллерию.

Главнокомандующий Апраксин! Недобрая память об этом фельдмаршале живёт по сей день. И поделом ему, заплутавшему в прибалтийских перелесках!

Фельдмаршал Степан Апраксин

Степан Фёдорович Апраксин – сын рано умершего стольника Фёдора Карповича Апраксина и Елены Леонтьевны, урождённой Кокошкиной, – воспитывался без отца. Ему было пять лет, когда вдовая мать вторично вышла замуж. Отчимом будущего фельдмаршала стал Андрей Иванович Ушаков, знаменитый начальник Тайной розыскной канцелярии. Воспитывал Степана родной дядька – Пётр Матвеевич Апраксин.

Ушаков с пасынком ладил, а ведь глава Тайной канцелярии был не просто влиятельной фигурой, он внушал ужас и трепет – и даже всесильный во времена Анны Иоанновны Миних пытался перед ним выслужиться. Он и возвысил Апраксина до генерал-майорского чина и должности дежурного генерала при главнокомандующем. И всё это – при весьма посредственных способностях! Именно Апраксин привёз в Петербург известие о взятии Хотина в 1839 году – и получил тогда орден Святого Александра Невского. Конечно, Миних неспроста доверил ему триумфальную миссию.

После воцарения Елизаветы Петровны покровительство Миниха могло сыграть с Апраксиным злую шутку, но Степан Фёдорович поладил и с окружением новой императрицы. И вот уже Алексей Петрович Бестужев-Рюмин – недруг Миниха – принимает Апраксина в свой ближний круг. В 1746-м Апраксин уже – генерал-аншеф и президент Военной коллегии. В его возвышении можно видеть патриотические мотивы: во главе Российской армии встал не выходец

из Европы, а знатный природный русак, граф боярского рода. Ведь они в своё время породнились с царями, Марфа Матвеевна Апраксина вышла замуж за Фёдора Алексеевича, сводного брата будущего первого русского императора. Всё это Елизавета Петровна имела в виду, не забывала. Да и с наружностью графу повезло: дородный богатырь, гроза женского полу. Апраксины верно служили Петру Великому, самым известным из них был, несомненно, Фёдор Матвеевич – один из ближайших сподвижников императора, стоящий у истоков русского военно-морского флота. Глава Оружейного, Ямского, Адмиралтейского приказов и Монетного двора, заслуживший репутацию неподкупного. Пётр повелел выбить особую медаль с изображением на одной стороне портрета Фёдора Матвеевича и надписью: «Царского Величества адмирал Ф. М. Апраксин», а на другой – изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит; лучше смерть, а не неверность».

Но Степан Апрашкин мало чем напоминал своего знаменитого родственника. Полководческого опыта у него не было: в военных кампаниях он участвовал, присутствовал, но ни в стратегии, ни в тактике не проявлялся. Зато умел дружить с полезными людьми – пожалуй, только ему удалось наладить тёплые отношения одновременно и с Шуваловыми, и с Бестужевым.

Сразу после заключения Антипрусского союза императрица Елизавета Петровна произвела его в фельдмаршалы

и назначила главнокомандующим. И вот в мае 1757-го под барабанную дробь стотысячная армия во главе с Апраксиным выступила из Лифляндии в сторону Немана. Для России именно эта дата стала началом войны. Впрочем, стотысячной армия считалась лишь номинально. По разным оценкам, более-менее боеспособные войска насчитывали 65–70 тысяч солдат включая нерегулярные части. Каждый переход сопровождался немалыми потерями. Огромный, дурно обустроенный обоз оказался петлёй на шее армии. По оценкам пруссаков и французов, наиболее обученными и боеспособными были гренадерские части. Конница оставляла желать лучшего. Казаки ещё не прошли армейских уроков, которые преподадут им Румянцев и Суворов. Вольным сынам Дона категорически не хватало дисциплины, это не раз оборачивалось катастрофами. Интендантские службы проявляли, без преувеличений, преступную халатность, а профессионализм обнаруживали только в воровстве. Молодые честолюбивые офицеры неспроста открыто ненавидели интендантов.

Апраксин действовал не просто осторожно, но крайне медлительно – с барственной ленцой. Каждый шаг пытался выверять с Петербургом – с Бестужевым и другими. Такая нерешительность особенно вредна для армии. Неповоротливость Апраксина нередко сравнивали с манерами тюленя или старого борова – к таким сравнениям располагала внешность рослого, полного фельдмаршала. Упрекали его и в трусости, и в прямом предательстве, не столь уж редком

в аристократической среде. Как-никак во времена Средневековья феодалы неплохо умели перепродавать вассальную верность, а память о тех временах в доме Апраксиных не выветрилась. Он медлил не только из природной вальяжности, но и затем, чтобы в случае смерти императрицы безболезненно переориентироваться на союз с Пруссией.

Проницательный князь Михаил Щербатов писал о фельд-маршале: «Пронырлив, роскошен, честолюбив, всегда имел великий стол, гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял; в походе все спокойствия, все удовольствия ему последовали. Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных, богато убранных лошадей». Такой главнокомандующий подчас обременительнее открытого врага. Он и думать не желал, что государственная казна и так мелеет от военных затрат.

Расточительностью нашего барина и происками интендантов проблемы русской армии не исчерпывались. Одно из распространённых определений тех кампаний – «война в кружевах». Армия шагала по Курляндии как на параде – а у некоторых генералов не было не только боевого опыта, они и серьёзными учениями никогда не командовали. «Весёлая царица была Елисавет» – вот и не воевала Россия почти полтора десятилетия. Отсюда и неопытные генералы. Молодой Румянцев на этом фоне выглядел бывалым воякой – всё-таки участвовал в нескольких походах, дрался со шведами, оса-

ждал Гельсингфорс. Скоро он и пудре объявит войну – но до поры терпел всю эту противоестественную солдатскую парфюмерию. К тому времени он уже не давал себе поблажек, полностью посвящал себя армии. Почти все русские офицеры уважали Фридриха – и Румянцев не был исключением. Но многие Фридриха попросту боялись – только не Румянцева! Он вступил в войну с твёрдым намерением бить пруссаков, не вспоминая про их непобедимость.

А Фридриха в армии действительно побаивались. Очень скоро появится армейская песня – не самая бодрая в солдатском репертуаре:

Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужу-дальну на сторонущу,
На чужу-дальну незнакомую.
Раздувались знамена белые:
Наперед идут новокорпусны,
Впереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены...

Почти так всё и было в начале похода. По части пудры авторы нисколько не преувеличили. Маршировали как по Марсову полю. Торжественные, но и встревоженные.

Вот ведь беда: молва о непобедимом немецком воинстве

перешла в фольклор и охватила солдат... Даже седоусые ветераны шли, как на убой, не верили в собственные силы, воевать не желали. Даже народные песни, посвящённые противостоянию с пруссаками, получались жалостливые и унылые:

Не былиночка во чистом поле зашаталася —
Зашатался же, загулялся же удал добрый молодец
В одной тоненькой коленкоровой беленькой рубашечке
Да во красненькой он во своей во черкесочке.
У черкесочки назад полушки были призатыканы,
Басурманскою кровью злою они призабрызганы.
Увидала его родимая матушка из высокого терема:
«Ты, дитя ли мое, мое дитяtko, дитя мое милое?
Ты зачем, на что, мое дитяtko, пьяно наливаeшьcя,
По черной-то грязи, мое дитяtko, ты валяeшьcя?»
«О ты, мать ли моя, матушка родимая!
Я не сам-то собой, моя матушка, пьяно напивался:
Напоил-то меня, моя матушка, прусской король,
Напоил-то меня тремя пойлами, всеми тремя разными:
Как и первое его поилице — свинцова пуля,
Как второе его поилице — пика острая,
Как и третье его поилице — шашка острая,
Шашка острая, отпущенная,
Для меня-то, доброго молодца,
эти поилица приготовлены, насычены,
Эти поилица были для меня разные,
К ретиву-то серди были больные.

Развеять такой гипноз может только победный опыт – это Румянцев хорошо понимал. С офицерами он общался дружелюбно, но и не без строгости. Вокруг него уже в Прибалтике, в затянувшейся прелюдии похода, создавалась истинно армейская атмосфера.

Накануне назначения в армию, которой предстоял прусский поход, Румянцев шутил на дружеской пирушке, отмечая генеральский патент. В феврале 1756-го он прибыл в Ревель – в Лифляндскую дивизию. Но в мае формирование армии продолжилось в Риге. Румянцев занялся формированием гренадерских рот – и показал редкую придирчивость и преданность службе. «Поручики Семен Дятков – стар, Савин Теглев – слаб, подпоручик Михайла Ильянин – мал, рядовые: Пахом Беляев, Василий Филиппьев, Козьма Уткин... – слабы, а солдаты второй и третьей шеренги малы и в том полку, следственно, быть неспособны», – выговаривает Румянцев командиру Нарвского полка, из гренадерских рот которого следовало сформировать новый полк. Он вникает в мелочи, заботится об амуниции, о снаряжении солдата: «На отпущенные рядовым деньги, на каждого по одному рублю, полушубки непременно сделать, то же и осмотрев, у кого нет шапок и теплых же рукавиц, тем искупить, а если что затем денег останется, то раздать по рукам, при строении ж обуви крайне наблюдать, чтоб сапоги и башмаки деланы к воздеванию на толстые чулки довольно пространны были...»

Именно таких въедливых генералов и не хватало России в канун Семилетней войны. Румянцев с головой ушёл в подготовку к походу, в воинские учения.

Апраксин прибыл к армии, в Ригу, в начале сентября.

И главнокомандующий – стреляный воробей – вдали от столицы впервые запутался в придворных интригах... Погода в Петербурге менялась – она и перед войной была переменчива. Фельдмаршал пытался, пребывая в походном шатре, разгадать настроения столичных покровителей – явных и потенциальных. Болезнь матушки Елизаветы ни для кого не была секретом, больше всех за неё боялись французы и Апраксин. Главнокомандующий хорошо знал, что Пётр Фёдорович – поклонник Фридриха. Стоит ли воевать с пруссаками, если нашим государем вот-вот станет их союзник? Добродетель полководца – быстрота; мудрость вельможи – медлительность. Степан Фёдорович и в походе оставался царедворцем. Ждал руководящих инструкций от Бестужева-Рюмина – а время шло, и армия потихоньку таяла. Бестужев – человек невоенный, обуреваемый политическими ветрами, и наставления его полны тактических противоречий: «Ежели б вы удобный случай усмотрели какой-либо знатный поиск над войсками его надежно учинить или какую крепость овладеть, то мы не сомневаемся, что вы оного никогда из рух не упустите... Но всякое сумнительное, а особливо противу превосходящих сил сражение, сколько можно, всегда избегаемо быть имеет». То есть рекомендовалось

действовать только в случае несомненного численного превосходства, а вообще — выжидать, годить. Для такой роли Апраксин годился лучше других. Армия подзадержалась в Риге.

Румянцев устроил вверенные ему войска по зимним квартирам. О его тогдашних хлопотах поведает вот такой ордер Апраксину:

«Во исполнение данного мне от его высокопревосходительства высокоповелительного господина генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера Степана Федоровича Апраксина ордера, вашему сиятельству предлагаю:

1. Во отведенных ныне под полк грузинской квартирах приказать все места осмотреть, нет ли где каковых рек и других переправ, которые в выступлении полку в поход при оттепели или и весною препятствие причинить могут. И где таковые непроходимые места будут, то заблаговременно поместить в квартиры отведенные, где таковых непроходных мест нет, а буде без утеснения обывателям того сделать невозможно, мосты или плоты сделать приказать, дабы при выступлении не последовало ни малейшей остановки.

2. По состоянию ныне полку в квартирах нижним чинам накрепко подтвердить приказать, чтобы обывателям никаких обид чинено не было и безденежно ничего, да и за деньги насильно брано не было и во всем бы доброй порядок и строгая воинская дисциплина содержана была. А особливо ротным командирам о содержании всех нижних чинов от по-

бегов подтвердить, напротив чего и обывателям объявить, чтобы таковых беглецов отнюдь не держали и не скрывали, а естли у кого таковые беглецы сысканы будут, с таковыми поступлено будет по воинским регулам.

3. При том же вашему сиятельству рекомедую от всяких подозрительных людей иметь предосторожность и где таковые к шпионству приличившиеся или в том действительно употребляющиеся присмотрены и пойманы будут, таковых брав за караул, ко мне присылать».

Армия погрязла в бытовых неурядицах, а офицеры – в штатских заботах.

Но в середине июля 1757-го Бестужев уже упрекает Апраксина в медлительности. И заявляет, что важно не просто занимать территорию Пруссии (с этой задачей Апраксин справлялся тоже вяло), а наносить урон вражеской армии. При таком настроении верхов в обозах не отсидишься. А тут пришла спасительная весть от генерала Фермора: Мемель (в наше время – Клайпеда) сдался русским войскам, не выдержав бомбардировки с моря. Корпус Фермора занял знатную прусскую крепость. Только после этого известия Апраксин – в окружении своих, на патриархальный манер многочисленных слуг – решился перейти прусскую границу. Вот тут-то он и начал по-настоящему беспокоиться о здоровье своей государыни. А комендантом занятого Мемеля Фермор вскоре назначит подполковника Александра Суворова.

Русская кавалерия, по приказу Апраксина, выдвинулась

в Латвию и готовилась перейти Неман. Командовали этим авангардом армии Румянцев и Ливен. Они первыми вошли в Пруссию и доскакали почти до Гросс-Егерсдорфа.

Увиливать от генерального сражения становилось всё труднее. Апраксин двинулся в поход, навстречу прусской армии, уповая на Всевышнего и на генерала Веймарна, заправлявшего штабом армии. Иван Иванович Веймарн – сравнительно молодой (ему не было сорока) знаток военной теории состоял при Апраксине генерал-квартирмейстером и пользовался доверием фельдмаршала. Боевого опыта, увы, не хватало и ему, а победного – тем паче. Апраксин был не прочь снова избежать сражения – и, возможно, имел по этому поводу тайные сношения с пруссаками.

Сражение про Гросс-Егерсдорфе

Гросс-Егерсдорф – слава русской армии. Слава, которая могла обернуться позором. Название деревушки легко переводится на русский язык – Большая Охотничья Заимка. Места там лесистые, болотистые, условия для русского крестьянина вполне знакомые – чай, не Альпы.

Действия главнокомандующего в том сражении до сих пор заставляют краснеть патристически настроенных историков. И в то же время именно в окрестностях этой прусской деревушки рождались победные традиции румянцевской армии.

Селение Гросс-Егерсдорф давно превратилось в хутор, в

советские времена носивший название Извилино. В тех же краях расположен и посёлок Междуречье, что неподалёку от города, названного в честь одного из праправнуков Румянцева по линии русской воинской славы, – Черняховск, бывший Инстенбург, в Калининградской области. Генерал армии Иван Данилович Черняховский – герой Великой Отечественной, освобождавший Восточную Пруссию от гитлеровцев.

К августу 1757-го Апраксин разлучил Румянцева с кавалерией и подчинил генерал-майору бригаду из трёх пехотных полков: Воронежского, Новгородского и Троицкого. Солдаты для Румянцева новые, не из числа тех, кого он обучал в Риге. Всего десять дней было у Румянцева, чтобы вникнуть в состояние бригады, а дальше – испытания, равных которому ни он, ни его солдаты не видывали.

Противостояли русской армии войска Иоганна фон Левальда. Это личность замечательная, хотя и не полководец милостью Божьей. Почти десятилетие перед Семилетней войной Левальд служил генерал-губернатором Восточной Пруссии. По существу, управлял всеми делами края – и прослыл вполне умелым администратором. Когда начались бои (первоначально со шведами), ему уже исполнилось семьдесят два года. Глубокий старик по тем временам! Забежим вперёд: после утраты Восточной Пруссии Фридрих назначит его генерал-губернатором Берлина, и Левальд станет организатором обороны столичного города. Когда русские войска

покинут Восточную Пруссию – Фридрих вновь доверит ему этот разорённый край. Фельдмаршал дожил до глубокой старости и умер на губернаторском посту в возрасте восьмидесяти трёх лет.

Фельдмаршал Иоганн фон Левальд

Летом 1757-го, когда армия Апраксина вторглась в Пруссию, Фридрих не сомневался, что в первом генеральном сражении варварская армия будет повержена доблестными пруссаками. Он, отбросив суеверия, послал Левальду запальчивые инструкции – как торговаться с русскими парламентами после победы. Фридрих намеревался проявить благосклонность к прекрасной Елисавет, чтобы с помощью России проглотить часть Польши.

Армия Апраксина продвигалась медленно. Главнокомандующий не позаботился о разведке – и неожиданно в низине вдоль ручья Ауксине, справа, на поле, за лесом, обнаружилась прусская армия в боевом порядке, готовая к сражению. Апраксин всё объяснял утренним туманом, но как можно было в опасном походе обходиться без дозоров? Неужели продвижение до такой степени было неподготовленным? Определённо, в первый год кампании по линии шпионажа и дозоров пруссаки переигрывали русских с большим перевесом. Левальд – военачальник весьма средних дарований – недурно знал, что происходит в русской армии. Потому и удалось прусскому фельдмаршалу поймать русских в неудобном положении, почти со связанными ногами...

Сначала кавалерия принца Голштинского предприняла стремительную атаку по русскому авангарду. 2-й Московский полк, попавший под главный удар, сражался стойко, атаку выдержал. Но Апраксин запаниковал: обозы делали невозможным отступление. Что это – ловушка? Ситуация

вынуждала к серьёзному сражению, которого так опасался фельдмаршал.

Инициативу в свои руки взял генерал Василий Авраамович Лопухин, на войска которого пришёлся удар пруссаков. Ему удалось вывести войска в поле, перестроить их. В сражении 2-я дивизия Лопухина не устояла, но русские выиграли время. Войска успели прийти в себя, храбрость Лопухина воодушевила всех. Первое ранение он получил в начале сражения, но не покинул поле боя.

В реляции Апрашкина сказано: «Главная наша потеря в том состоит, что командовавший нашим левым крылом храбрый генерал Василий Абрамович Лопухин убит, но своею неустрашимою храбростью много способствовал одержанию победы, толь славно жизнь свою скончал, что почтение к своим добродетелям тем ещё вящше умножил. Позвольте, всемилостивейшая государыня, что я, упоминая о нём, не могу от слез воздержаться: он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе Вашего императорского величества прямое усердие. Быв вдруг тремя пулями весьма тяжко ранен, однако же, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля и здоров ли фельдмаршал? И как ему то и другое уверено, то последние его были слова: теперь умираю спокойно, отдав мой долг всемилостивейшей государыне».

Пехота отважно бросилась в штыковую за раненого Лопухина, он ещё воодушевлял армию. Вскоре бой продолжился

с не меньшим ожесточением за тело погибшего генерала.

Героя похоронят на поле боя, с подобающими почестями. Но после войны перезахоронят в Москве, в Андрониковом монастыре, в родовой усыпальнице. В армии имя Лопухина запомнили надолго: у него и до Гросс-Егерсдорфа была репутация честного воина. А гибель генерал-аншефа на поле боя – явление редкое, достойное мемориала в наших сердцах. Это был Багратион 1757 года... Недолго пришлось ждать армейской песни о Лопухине – по-видимому, она сложилась в офицерской среде:

Как не пыль в поле пылит,
Пруссак с армией валит,
Близехонько подвалили,
В полки они становили.
Они зачали палить —
Только дым с сажей валит.
Нам не видно ничего,
Только видно на прекрасе,
На зеленом на лугу
Стоит армия в кругу,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Для того табак курит,
Чтобы смело подступить,
Чтобы смело подступить
Под лютого под врага,
Под лютого под врага,

Под прущего короля.
Они билися-рубились
Четырнадцать часов.
Утолилася баталья,
Стали тела разбирать:
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
Еще того подале
Заставали душу в теле,
Заставали душу в теле —
Лопухин лежит убит...

Для Румянцева пример Лопухина значил не меньше, чем пример павшего в бою фон Вейсмана для Суворова в эпоху русско-турецких войн.

Стыдно было отступать и тем более сдаваться после ранения Лопухина и героической схватки гренадер за тело командира. И Румянцев замыслил неожиданный смелый маневр, который решит исход сражения. В этой битве (да и вообще – в Семилетней войне) в нашей армии инициативы командиров оказывались важнее задумок главнокомандующих. Румянцев почувствовал, что и солдаты (большинство из которых, заметим, он еще не успел досконально изучить) яростно желают броситься в бой – выручать товарищей.

Когда пруссаки теснили 2-й Московский полк – Румянцев

находился в Норкиттенском лесу, с пехотным резервом. Конечно, он стремился вмешаться в сражение и вряд ли надеялся, что Апраксин отдаст дельный и смелый приказ. Да он и не дожидался приказов.

Андрей Тимофеевич Болотов — замечательный мемуарист, искренний и тонкий. Но в записках о Гросс-Егерсдорфском сражении он превзошёл себя. Его полк не принимал непосредственного участия в бою. Но Болотов в тот день слышал гром победы и многое видел своими глазами. Его свидетельство ценно: вместе с мемуаристом мы видим события глазами современника, ощущаем и ужас, и подъём того дня. О самых трагических минутах боя он пишет эмоционально, горячо. И минуты перелома, когда русские начали одолевать пруссаков, оживают перед нашими глазами. Вот воины Румянцева пробиваются сквозь чащобу. Они готовы погибнуть на поле боя, но отомстить.

Болотов вспоминал: «Проход им был весьма труден: густота леса так была велика, что с нуждою и одному человеку продраться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности их и усердия. Два полка, Третий гренадерский и Новгородский, бросив свои пушки, бросив и ящики патронные, увидев, что они им только остановку делают, а провезть их не можно, бросились одни, и сквозь густейший лес, на голос погибающих и вопиющих, пролезать начали. И, по счастью, удалось им вытти в самонужнейшее место, а именно в то, где Нарвский и Второй гренадерский полки совсем уже

почти разбиты были и где опасность была больше, нежели в других местах. Приход их был самый благовременный».

Они вышли из леса, сохранив боевой порядок, не превратились в отряд вольных партизан. Румянцев не потерял управления войсками. Явление бригады Румянцева вернуло силы измождённым, израненным русским войскам, которые уже дрогнули под немецким напором.

Вновь предоставим слово Болотову: «Нельзя изобразить той радости, с какою смотрели сражающиеся на сию помощь, к ним идущую, и с каким восхищением вопияли они к ним, поспешать их побуждая. Тогда переменялось тут все прежде бывшее. Свежие сии полки не стали долго медлить, но давши залп, и подняв военный вопль, бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену. Неприятели дрогнули, подались несколько назад, хотели построиться получше, но некогда уже было. Наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте, не долго медля, обратились они назад и стали искать спасения в ретиреде. Сие устратило прочие их войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-помалу колебаться, а у нас начался огонь сильнее прежнего. Одним словом, не прошло четверти часа, как пруссаки во всех местах сперва было порядочно ретироваться начали, но потом, как скоты, без всякого порядка и строя побежали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.